

На вершине живописной горы стояла малоизвестная деревня под названием Фулон. В ней было около трёхсот дворов.

С наступлением вечера над трубами домов поднимался ароматный дым; женщины в одеждах, украшенных цветами, открывали ворота и звали детей домой.

— Сяоцзи!

— Сяогоу!

— Цуйхуа! Ты дома!

— Чэньчэнь! Этот противный мальчишка до сих пор не пришёл!

Неподалёку подросток постарше с силой разжал хватку подростка помладше.

— Слепой дурак, ещё раз мне попадётся, задам тебе трёпку!

Зло сказал старший. Младший, лёжа на земле, загадочно усмехнулся и тихо пообещал:

— Ну, погоди, Чжао Бэйчэнь.

На вид ему было лет тринадцать или четырнадцать. Острые черты лица, высокий прямой нос, тонкие губы. Он был одет в серые льняные одежды, глаза закрывала белая шёлковая повязка.

Услышав его слова, Чжао Бэйчэнь пришёл в ярость и занёс руку, чтобы ударить. Но тут вмешался третий ребёнок. Он жалобно заныл:

— Бэйчэнь, быстрее. Мама зовёт на ужин.

Все ушли, и младший из драчунов, ощутив внезапный прилив сил, вскочил на ноги. Утёр кровь в уголке губ, заложил руки за спину и как ни в чём не бывало, будто это не его только что били, пошёл домой, морща нос и принюхиваясь.

Ориентируясь по аппетитному запаху, он подошёл к соседскому забору, прислонился и позвал:

— Тётушка Ли... Сегодня особенный день? Вы тушите цыплёнка?

Кри-и... Полноватая улыбчивая женщина средних лет открыла дверь.

— Гуаньци, ты ещё не ужинал? Тётушка тебя угостит.

Гуаньци похлопал себя по животу.

— Ещё нет.

— А у тебя тонкий нюх, да? Не хочешь есть дедушкины маринованные овощи, но учуял вкусненькое и тут же пришёл? — погрозила ему пальцем тётушка Ли. — Маленький паршивец, ты как раз вовремя. У тётушки осталось полгоршка рагу! Ещё дам тебе риса, можешь отнести домой, поужинаете вместе с дедушкой.

Торопливо добавила женщина. Паренёк расплылся в улыбке и сладким голосом пропел:

— Спасибо, тётушка Ли. Какая жалость, что тётушка не открывает свою харчевню у подножия горы. С такими-то кулинарными способностями.

Улыбнулся он, в уголках глаз наметились лучики морщинок.

— Паршивец, своими сладкими речами чего угодно добьёшься.

Шутливо пожурила женщина.

Не прошло и минуты, как у забора появилась хрупкая девочка с горшком рагу в руках. Девочка походила на фарфоровую куклу. Она осторожно держала полную до краёв посудину и, боясь пролить, не сводила с неё круглых как блюдца глаз.

— Ли Гуаньци, у тебя нос как у собаки? Каждый раз, когда мама готовит что-то вкусное, ты тут как тут.

Проворчала девочка. Ли Гуаньци не мог смолчать:

— Ман Ваньшу, как думаешь, кто тебя замуж возьмёт, такую добродетельную жену и мать?

Ман Ваньшу покраснела, пытаясь поставить горшок на забор. Потом насупилась, посмотрела на Ли Гуаньци и выпалила:

— Дурак!

Ли Гуаньци, пряча ухмылку, развернулся, чтобы уйти, но остановился и, слегка поклонившись, смущённо поздоровался:

— Эм... Добрый вечер, дядя Ман?

Мужчина не ответил, а когда Ли Гуаньци проходил мимо, слегка подтолкнул его ногой под зад и со смехом упрекнул:

— Хватит дразнить Ваньшу. Она почти достигла брачного возраста, а ты всё дурака валяешь. Негодяй!

Паренёк осклабился.

— Хорошо... Завтра я принесу вина дяде Ману.

Лавируя по извилистым улочкам, он наконец дошёл до двора, стоявшего немного в стороне и, толкнув дверь, негромко позвал:

— Дедушка, я вернулся.

У двери, попыхивая трубкой, сидел старик. При виде мальчика старик просиял.

Стремительно оказавшись рядом, он выхватил из горшка кусок тушёного цыплёнка, который тут же затолкал в рот, жмурясь от удовольствия. Прожевав, старик заметил:

— Поистине, у невестки старика Мана лучшая на свете стряпня.

Ли Гуаньци слегка покачнулся, когда ставил горшок на крыльцо. Су Сюань досадливо поджал губы.

— Ты был счастлив совсем недолго и вот? Сегодня тебе придётся сто раз ударить грушу, мальчик!

Мальчик помрачнел и тихо пробормотал:

— Дедушка?..

— Ударь сто раз, повтори трижды и так до поздней ночи.

Парнишка благоразумно умолк. Старик сунул руку за спину и вытащил чёрные как смоль

ножны. Потом они вместе устроились на крыльце, наслаждаясь ужином.

— Дедушка, почему вы запрещаете мне давать сдачи?

Спросил Ли Гуаньци. Старик выплюнул обглоданную косточку и отвесил ему подзатыльник. Тот пошатнулся.

— Зачем тебе тренироваться на слабых? — резко сказал старик. — Разве я этому тебя учил? Если дашь сдачи, я завтра же окажусь на пиру у старика Чжао.

Мальчик молча почесал в затылке. Су Сюань с показным равнодушием смерил его взглядом.

— У тебя такой вид, как будто ты газы сдерживаешь. Так жить нельзя, мальчик. Я не могу с тобой возиться. По дороге ты заходил к дяде Ману?

Осведомился он. Ли Гуаньци улыбнулся:

— Малышка Ваньшу хорошеет с каждым днём.

Шлёп!

— Кто тебя спрашивал про его дочку?

— Ой-ой-ой, вы хотите поговорить о моём будущем тесте?

Хлоп!

— После ужина примешь целебную ванну и ударишь грушу четыреста раз!

— Ох, дедушка, мой дорогой дедуля!

К удивлению Ли Гуаньци старик вдруг встал, выпустил отрыжку и оставил его одного.

— Я поел.

Ли Гуаньци сразу понял: что-то не так. Он застучал палочками по чашке, делая вид, что ест.

— Пойдёте играть в шахматы со стариком Лу?

— Поторопись. И отработай удары.

Мальчик угрюмо вернулся к еде, стараясь не пропустить ни рисинки.

После ужина он пошёл на задний двор, полностью разделся и погрузился в ванну. В считанные секунды кожа покраснела, на лбу проступили бисеринки пота. Тело мелко дрожало, Ли Гуаньци стиснул зубы, как будто терпел сильную боль. В тёмно-зелёном целебном отваре на его коже проступили бледные узоры.

Он обрёл способность видеть только в этом году, и хотя его зрение было ещё чёрно-белым, несказанно радовался. Теперь он каждый день направлял всю свою энергию на то, чтобы улучшить новообретённую способность.

Ли Гуаньци сел скрестив ноги и, терпя жжение, вызванное целебной ванной, задумался о том, что будет делать, когда закончит отрабатывать удары.

У восточной оконечности деревни Фулон высился вековой дуб. Су Сюань в сером одеянии и с хлыстом в руках неспешно шёл к дереву. Под деревом сидел добродушного вида старик, поглощённый игрой в шахматы.

Заметив Су Сюаня, он тепло приветствовал давнего знакомца:

— Ай-яй-яй. Ты только что ел, да?

Су Сюань выковырял пальцами застрявший между зубами кусочек мяса и, выбросив его, ответил:

— Старик Лу, сегодня я побалую тебя ещё одной партией перед уходом.

Старик, увенчанный гривой седых волос, медленно поднял голову.

— Перед уходом?

Су Сюань положил хлыст на землю.

— Да, я ухожу.

Он небрежно взял белую шахматную фигуру, поставил на доску. Потом уставился на собеседника и, понизив голос, добавил:

— Я знаю, кто такой старик Ман. Я знаком с Чжан Лаоханем из западной части деревни. Но кто ты, старик Лу, восемь лет оставалось для меня загадкой. И я до сих пор не могу понять. Ты... как тебя зовут?

Тот слабо улыбнулся, взял чёрную фигуру и поставил рядом с белыми.

— Я? Я всего лишь одинокий старик. Что до моего имени... меня зовут Лу Тяньчэн.

Су Сюань хмуро произнёс:

— Лу Тяньчэн... никогда не слышал. Возможно, он не так влиятелен. Но...

Бах!

Нож в ножнах легко разрубил чёрную фигуру. Су Сюань, не сводя пронзительного взгляда с того, кто назвался Лу Тяньчэном, шёпотом сказал:

— Неважно кто ты такой и как тебя зовут. Мне всё равно, даже если ты бросаешь вызов Небесному Дао. Пока я здесь, ты не тронешь ни волоска на голове моего внука! Я не позволю тебе сделать ход!

Хм!

В следующий миг разрубленная шахматная фигура необъяснимым образом соединилась, вернувшись в первоначальное состояние.

Его угрозы как будто не тронули собеседника. Старик с белой гривой лишь покачал головой.

— Мы никогда не узнаем, смогу ли я сделать свой ход, пока не попробуем, не так ли?

Су Сюань тоже улыбнулся, почесал голову ножнами и встал на ноги.

— Тогда давай попробуем прямо сейчас. Боюсь, завтра я буду слишком занят. И не найду времени.